

- Dupree L. Afghanistan. Princeton, 1980.
Kabul new times. March (1984), No. 5–8.
Saunders G. Afghan refugees. In: Department of state bulletin. Vol. 79 (1979), No. 2033: 30–32.
Shestack J., Nimetz M. Reports use of lethal chemical weapons in Afghanistan and Indochina. In: Department of state bulletin. Vol. 80 (1980), No. 2040: 35–39.
Urban M. War in Afghanistan. London, 1988.
Vanse S. Refugee admissions and resettlement. In: Department of state bulletin. Vol. 80 (1980), No. 2039: 35–37.

T. V. Rabush
Saint Petersburg, Russia

AFGHAN REFUGEES IN THE SOVIET-AMERICAN «PROPAGANDA WAR» (1980-s)

Abstract. This study highlights the role and place of the problem of Afghan refugees in the Soviet-American propaganda war that lasted throughout the 1980s. The author analyzes the nature of US humanitarian assistance to Afghan refugees, stressing the fact that the US assistance in Afghanistan was not only a humanitarian action of good will, but at the same time a topic of exaggerated foreign propaganda (both in official political speeches and media) used to condemn the fact of the Soviet military presence in Afghanistan. The author points to a dramatic increase in the number of refugees (which lasted throughout the 1980-s), which was undoubtedly convenient for the American (and some foreign) anti-Soviet propaganda.

The author examines the roles of Afghan refugee issue in the foreign (mostly American) anti-Soviet and anti-Afghan propaganda, as well as in official anti-American propaganda of Kabul and the Soviet Union. Foreign authors tried to denigrate Soviet activities in Afghanistan in every possible way pointing out that a large number of Afghan refugees and the constant growth of refugee number are associated with the Soviet policy of «squeezing» the civilian population out of Afghanistan through active and destructive military operations, which, in fact, was a piece of disinformation aimed at damaging the prestige of the Soviet Union in the eyes of the international community and present the Soviet Union as a war criminal. The Soviet and Afghan media, government officials and researchers present the opposite propaganda mainly by showing the extremely difficult situation of Afghan refugees in Pakistan who became sort of a tennis-ball for the leaders of the armed Afghan opposition.

We conclude that the problem of Afghan refugees during the 1980-s was a significant factor in the Soviet-American propaganda war waged around the events in Afghanistan taking place immediately after the April Revolution of 1978. In fact, the refugee issue became a «bargaining chip» in the global geopolitical game between the two superpowers.

Key words: refugees; propaganda; the Cold War; the Afghan War; Soviet-American relations.

About the author: Taisiya Vladimirovna Rabush, Candidate of Historical Sciences (PhD), Senior Lecturer at the Department of Social Sciences.

Place of employment: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design.

УДК 94 (47). 04

Я. Г. Солодкин
Нижневартовск, Россия

О НАЧАЛЕ ШЕРТОВАНИЯ СИБИРСКИХ «ИНОЗЕМЦЕВ» МОСКОВСКИМ ГОСУДАРЯМ (ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ)

Аннотация. В статье рассматривается одна из актуальнейших проблем сибиреведения – вопрос о том, с какого времени народы Сибири стали приводиться к шерти на имя московского государя. Хотя исследователи не сомневаются в том, что это происходило с первых лет русской колонизации края, восходящее еще к Г. Ф. Миллеру представление о том, что так поступали уже «ермаковы казаки», не может быть признано убедительным. При этом особое внимание уделяется анализу сообщения Есиповской летописи о начале данной практики в пору «Сибирского взятия».

В результате было выяснено, что приведенное в хронике свидетельство включает литературные штампы, имеющиеся в самом произведении Есипова, и передает текст шертовальной записи, составленной не во второй четверти XVII в., как ранее считалось, а до смерти Кучума, т.е. в самом начале этого столетия. Нами было доказано, что ермаковцы ограничивались сбором ясака, а приведение сибирских «иноземцев» к шерти началось со времени последующих экспедиций воевод царя Федора Ивановича, в частности, И. А. Мансурова и В. Б. Сукина. Было установлено, что первыми «под высокую руку» московского государя были приведены князья Лугуй и Игичей, мурза Цынгоп, видный тюменский служилый татарин М. Ачекматов.

Ключевые слова: Сибирь конца XVI в.; шерть; шертовальная запись; ясак; Есиповская летопись; Кучум; Ермак; Лугуй; Игичей.

Сведения об авторе: Янкель Гутманович Солодкин, доктор исторических наук, профессор, заведующий научно-исследовательской лабораторией региональных исторических исследований.

Место работы: Нижневартовский государственный университет.

Контактная информация: 628605 г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: 8(3466)273510, e-mail: roshist@mail.ru.

Исследование осуществлено в рамках выполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

Немало вопросов истории «Ермаковой эпопеи» и последующих экспедиций в Сибирь государевых воевод остается дискуссионным еще со времен Г. Ф. Миллера, прежде всего из-за малочисленности и противоречивости источников. Среди таких вопросов повышенное внимание ученых недавно стали привлекать взаимоотношения вольных казаков и служилых людей, с одной стороны, и коренного населения «Сибирской земли», – с другой. Историков, в частности, интересует, когда и кем началось приведение к шерти (присяге) «иноземцев» разгромленного накануне «Кучумова царства», значительная часть которого в середине – второй половине 1580-х гг. вошла в состав Московского государства.

Рассматривая эту проблему, следует учитывать, что принесение шерти (как правило, на имя российского самодержца) на первых порах сопровождалось выдачей иммунитетных грамот князьям, мурзам и другим видным представителям «инойязычных людей» или их пожалованиями в иных формах, предусматривающими наделение льготами в уплате ясака, а то и освобождением от него; впоследствии шертование, процедура которого юридически закрепляла «сибирцев» в русском подданстве (Конев 2005: 172), преимущественно означало обложение ясаком. Источниковый материал должен быть использован максимально полно и подвергнут разностороннему критическому анализу. Так, показания нарративных памятников XVII в. надлежит сопоставить с документальными сведениями, прежде всего более ранними.

«Отец сибирской истории» на основании летописных известий полагал, что Ермак «заставлял все народы шертовать по их вере» (Миллер 1999: 230). Это мнение вслед за многими учеными (Карамзин 1989: 231, 234; Копылов 1989: 102, 140, 143; Самаровский край 2003: 14; Скрынников 1986: 223, 224, и др.) недавно повторили А. С. Зуев и В. А. Слугина, предположив, что сподвижники «ратоборного» атамана, которые до похода в «Кучумово царство» сталкивались с тюрками, знали или слышали «о практике шертования» (Зуев, Слугина 2015: 43). Вместе с тем, не замечая допущенного

противоречия, новосибирские историки пришли к выводу, что Ермак и его казаки, даже первые воеводы, отправленные за «Камень», «не могли приводить сибирские народы собственно к шерти», кроме татар, «если поверить» (оснований для чего почти нет) сообщению одной из редакций Бузуновского летописца. Вопреки оценке ряда исследователей А. С. Зуев и В. А. Слугина отказались признать шертовальной записью ни сохранившийся в копии конца XVIII в. текст, отложившийся в «Портфелях А. Ф. Малиновского» (А. Ю. Конев почему-то датировал ее началом того же столетия (Самаровский край 2003: 14)), ни летописное свидетельство о присяге, которую ермаковцам дали «иноземцы», ранее подвластные Кучуму. Хотя такие документы существовали в 1590-х гг., как рассудили А. С. Зуев и В. А. Слугина, «первые попытки создания типовых шертовальных записей» для сибирских мусульман и язычников относятся в начале XVII в. Однако, по определению самих этих историков, в отношении с ханствами Поволжья и Ногайской Ордой шертные договоры практиковались на протяжении всего предыдущего столетия (Зуев, Слугина 2015: 36–39, 41, 43). Следует уточнить, что упомянутый текст представляет собой извлечение не из ЕЛ Основной редакции (так считалось прежде), а первого издания знаменитого миллеровского труда (Описание Сибирского Царства 1998: 113), летописное же изложение условий шертования относится скорее всего не ко второй четверти XVII в. (Зуев, Слугина 2015: 44), а ко времени до 1 сентября 1636 г., когда, по свидетельству Саввы Есипова, он завершил свою летопись «Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде». Одно из этих условий – «к царю Кучуму и в иные орды и улусы не отъехать» (ПСРЛ 1987: 58) – наводит на мысль, что шертная запись из ЕЛ Основной редакции может восходить к документу конца XVI в., поскольку хан, «сбитый» «с куреня» «ермаковыми казаками», умер или был убит в 1599 г., и вскоре преемником Кучума стал его старший сын Али (Трепавлов 2012: 72). (Примечательно, что в соответствующей фразе Томского вида Сибирского летописного

свода указание на Кучума было опущено (ПСРЛ 1987: 308)). Шертную запись, которую он мог получить в тобольской приказной избе, Есипов, вероятно, отредактировал, ибо перечисленные им обязательства сибирских «иноземцев» – «на русских людей зла никакова не мыслити, зла на всяких русских людей никакова не думать» – находят аналогии в двух последующих главах самой популярной из летописей, созданных на востоке России («никакова зла на казаков не мыслить», «мыслиши(я) зло», «не мыслю на вас никакова зла», «зло мысляще на них») (ПСРЛ 1987: 57, 58, 61, 67, ср. 115, 134, 137). Рассказывая о поездке в Москву сеунчиков Ермака «з дружиною», сообщивших, в частности, царю Ивану Васильевичу о приведении к шерти «иноземцев», совсем недавно являвшихся данниками Кучума, Есипов замечает, что «изволением всемилостиваго [в Троицы] славимого Бога ... царство Сибирское взяша». В заголовках же Основной редакции ЕЛ читаем: «О Сибирьстей стране, како изволением божиим взята бысть», «како божиим изволением взята бысть (Сибирь. – Я. С.) ... от русского воинства» (ПСРЛ 1987: 42, 57, ср. 59).

Самым ранним из нарративных источников с упоминанием о шерти, к которой ермаковцы приводили покоренных обитателей громадного края, раскинувшегося к востоку от Урала, явилось «Краткое описание о Сибирстей земле ...» (ПСРЛ 1987: 74; СЛ 2008: 308), по-видимому, созданное в Москве при учреждении тобольской архиепископии (1620 г.). Под влиянием этого сочинения, возможно, привезенного в столицу «русской» Сибири «первопрестольником» Киприаном, «слогатель» ЕЛ Основной редакции (или его предшественник – автор «писания», которое «распространил» владычный дьяк (ПСРЛ 1987: 72)), обратившись к шертной записи, очевидно, имевшейся в приказной «палате», уже весьма подробно изложил условия, на которых присягнули, не поясняя кому, местные «иноземцы». Но шерть обычно приносилась на имя государя, зауральский поход же был совершен вольными казаками, снаряженными не без участия Строгановых. Приведение к ней «сибирцев» должно считаться одним из вымышленных обстоятельств (следуя классификации Е. К. Ромодановской) в есиповском повествовании, о чем косвенно свидетельствует и то, что рассказав про «повоевание» ермаковцами городков и улусов по Иртышу и Оби, затем, сообщая об осаде проживавшими там остяками «срубленного» И. А. Мансуровым

острога, тобольский летописец не упомянул о нарушении «погаными» шерти, да и сеунчики, ездившие в Москву с «писмом» о подчинении остяков (в числе прочих «языков»), оказывается, выехали туда еще до того, как «дружина» отправилась в Обь-Иртышское междуречье (ПСРЛ 1987: 60, 64–65). Нет оснований (вопреки мнению А. Т. Шашкова и В. М. Кружинова) и полагать, что Ермак принял шерть у остяцкого князя Бояра, явившегося в Кашлык через несколько дней после его занятия «товарством» (Солодкин 2015: 141–142, примеч. 18). Видимо, этот князь доставил «русскому полку» ясак (Трепавлов 2012: 29, примеч. 108; Щеглов 1993: 37), уплата которого издавна служила признаком подданства (зачастую даже определяющим) (Бахрушин 1955: 49, 51, 137, 138; Миллер 1999: 480; ср. ПСРЛ 1987: 36, 75, 76). Как читаем в ЕЛ Основной редакции, «кучумляне» вслед за гибелью атамана Ивана Кольца и его казаков стали истреблять ермаковцев «по волостем и по улусам» (ПСРЛ 1987: 62; ср. СЛ 2008: 301–302), надо думать, ясатчиков (Миллер 1999: 250; Описание Сибирского Царства 1998: 140).

Согласно Строгановской летописи Основной редакции, когда после голодной зимы (ее следует относить к 1584–1585 гг.), во время которой умерли князь С. Болховский и большинство его стрельцов, да и многие соратники «велеумного» Ермака, наступила весна, татары, остяки и вогулы, «которые под его государевою рукою бысть», стали привозить запасы в город Сибирь (СЛ 2008: 32, ср. 7, 44). Скорее речь идет про обложенных казаками ясаком (ср. ПСРЛ 1987: 60), но едва ли в пользу московского самодержца, представлявший которого воевода появился здесь совсем недавно.

Если вначале, например, при взятии Карачина городка и Кашлыка, Ермак «с товарищи» ограничивались военной добычей, то после быстрого «Сибирского взятия» 1582 г. (летописцы почти единодушно приурочивают его к 26 октября) уже не довольствовались захваченными богатствами, например, царевича Маметкула, назымского князя (ПСРЛ 1987: 52, 59, 60, ср. 71, 380), а по давней традиции приступили к обложению местных жителей ясаком, однако еще не приводили их к шерти, тем более что для этого требовались шертовальные записи, а они оказались в Сибири со временем (Миллер 2000: 257–258, и др.).

С точки зрения А. П. Яркова, ясак по пути туда собирал и князь С. Д. Болховский, высту-

пивший в 1584 г. из Чердыни (скорее всего поздней весной) на помощь Ермаку (Ярков 2011: 28), хотя уже не заставший его в живых. Но молодому воеводе, надо думать, предписывалось спешить за Урал, ведь, как осознавали в Москве, силы казачьей «дружины» таяли; Болховского задержало лишь сооружение Верхтагильского городка. К тому же у стрельцов, присоединившихся к ермаковцам, «запасу не было никакого» или же крайне мало (ПСРЛ 1987: 133; СЛ 2008: 31, 77).

В Распространенной редакции «Повести ...» Саввы Есипова и зависимой от нее «Истории Сибирской» С. У. Ремезова сказано, что, не сумев овладеть Обским городком, «поганые» стали вносить ясак (ПСРЛ 1987: 186, 252, 312, 365; СЛ 2008: 349, 440). В. И. Сергееву это сообщение представлялось достоверным (Сергеев 1967: 175). Однако его нет в Основной редакции «Сказания» Есипова и ее вторичных разновидностях (ПСРЛ 1987: 35, 40, 65, 88, 96, 114, 126, 136, ср. 138). Вспомним также, что поздней весной или в первые недели лета 1586 г. И. А. Мансуров покинул заложенный им острог и возвратился на «Русь». В «срубленном» им городке, просуществовавшем до 1594 г., обосновались годовальщики, которые, сменяя друг друга, очевидно, и стали объяснять население Нижнего Приобья (Очерки истории Югры 2000: 121). Быть может, конечно, воевода вернулся в Москву не с пустыми руками, однако свидетельству летописца конца XVII в., повторенному другими тобольскими книжниками, вряд ли можно безусловно доверять, подобно, кстати, известию Распространенной редакции Строгановской летописи (в Основной редакции его опять-таки нет), будто Мансуров, встретившись с воеводой Д. Чулковым, привел «бесурманских язык ... к шерти» (СЛ 2008: 41, 92). Возводить эти показания к каким-то ранним источникам, думается, опрометчиво, тем более что Чулков появился в Сибири через год после того, как Мансуров навсегда оставил ее, да и не захватил Тобольск, из которого бежали татары, а основал его. Анонимные редакторы самых известных исторических повестей о разгроме казачьим отрядом «Кучумова» юрта на первые годы русской колонизации «Сибирской земли» распространили практику последующих десятилетий.

Внушает сомнения и свидетельство С. У. Ремезова о том, что новые воеводы, отправленные за «Камень» в 1586 г., – В. Б. Сукин и И. Н. Мясной – объясняли жителей по пути

к городу Чинги, на месте которого воздвигли Тюмень (СЛ 2008: 349, 440). (В. И. Сергеев писал о сборе русскими ясака в год основания Тюменского острога (Сергеев 1960: 113), что не вполне соответствует указанию тобольского «изографа» петровской эпохи). Ведь воеводам приходилось не медлить с закладкой «града», которой могли помешать «кучумляне», объяснение же коренного населения края было уже следующей задачей первых тюменских администраторов.

С Мансуровым, вероятно, в Москву выехал Лугуй (Акишин 2015: 51) – правитель Куноватско-Ляпинского княжества, который уже в августе 1586 г. добился от «святоцаря» Федора жалованной грамоты, на основании которой по-прежнему сам, а не кто-то из служилых, «сидевших» в Обском городке, собирал в своих владениях дань в пользу российского государя и раз в два года доставлял ее вымским приказным людям (Миллер 1999: 337–338). Подобно В. И. Сергееву (отчего-то называвшему Лугуя обдорским князьком) допустимо считать, что выдача этого документа сопровождалась шертованием остяцкого владельца (Сергеев 1967: 174, 175). (Вероятно, жалованная грамота Лугую сохраняла силу до «поставления» Березова в 1593 г. Через два года Шатров Лугуев в «измене», т. е. нарушив шерть, «приступал к Березову городу» (Миллер 1999: 387)).

В 1586/87 г. жалованная грамота с определением размера ясака, который должен был привозиться в Москву, получил казымский мурза Цынгоп (Сенгеп) (Русская историческая библиотека 1875: 200, 202). (А. Т. Шашков относил эту грамоту к зиме 1586/87 г. (Очерки истории Югры 2000: 121), а В. И. Сергеев, который «произвел» казымского мурзу в князцы, – к 1586 г.). Видимо, Цынгоп (Сенгеп) тоже шертовал в российской столице Федору Ивановичу, причем по записи, образец которой мог быть вручен основателям Тюмени, а год спустя заложившему Тобольск письменному голове Д. Д. Чулкову. (Кстати, А. С. Зуев и В. А. Слугина почему-то датировали прибытие первого тобольского «градодержателя» в Сибирь 1585 г. (Зуев, Слугина 2015: 40)). Жалованные грамоты в конце XVI – начале XVII вв. были выданы в Москве также обдорскому и демьянскому князям Мамруку Васильеву и Оксеиту Боярову. Кроме того, в 1602 г. сургутский воевода князь Я. П. Барятинский посылал местного князя Кинему с атаманом Б. Зубакиным «с жалованным словом ... для приведения к шер-

ти» князцов кузнецких самоедов (Бахрушин 1955: 134–135, 142; Шашков 2001: 176).

Известно, что со времени, «как Тюмень стала», – при В. Сукине, воеводствовавшем там в 1586–1588 гг., в этом городе нес службу в пользу московских государей, в частности, сражался с «кучумлянами», видный юртовский татарин М. Ачкматов (Азехматов) (Бахрушин 1955: 164; Миллер 1999: 479). Возможно, он шертовал уже при «поставлении» Тюмени. Служилые татары (через которых письменный голова Д. Д. Чулков, не исключено, вступил в переговоры с беком Искера Сейдяком), могли оказаться и в гарнизоне Тобольска вскоре после его основания. С пленением в этом остроге Сейдяка осенью 1587 г. большинство сопровождавших его татар очутилось в неволе либо бежало. Многие из них, быть может, предпочли переходу на сторону Кучума службу русскому царю. Семь лет спустя в экспедиции князя А. В. Елецкого «на Тару реку» приняли участие тобольские (под началом своих голов Байсеита, Байбахты, Ч. Александрова) и тюменские конные татары (Миллер 1999: 282, 351, 352, ср. 349). (С. У. Ремезов указывал на существование контингента тарских татар на русской службе еще в 1591 г., но, как полагал еще Г. Ф. Миллер, это известие неправдоподобно (Миллер 1999: 273)). По всей вероятности, с того времени, когда в первых русских городах Сибири сформировались отряды служилых татар, последние приносили шерть «освятованному» Федору Ивановичу.

Как сообщалось в царской грамоте «на Пелым» воеводе Б. И. Полеву от 20 июня 1596 г., население Большой Конды (являвшейся «уделом» Пелымского княжества (Бахрушин 1955: 54, 146)) платило ясак русским с 1588/89 г. (Миллер 1999: 277, 279, 365), почему А. Т. Шашков утверждал, что в 1588–1589 гг. «тобольским служилым людям удалось привести к покорности вогульские княжества на Конде и Пелыме». (Ранее видный историк полагал, что это произошло около 1588 г., а со следующего года правители упомянутых княжеств обязались вносить дань, которая поступала в будущую сибирскую столицу) (Шашков 1997: 176; Шашков 1998: 250). Оба приведенных вывода следует признать не вполне точными, тем более что Малая Конда была «положена в ясак» только в 1591/92 г. (Миллер 1999: 366). Видимо, жители вогульских княжеств, включенных со времени основания Пельма (1593 г.) в состав нового уезда, принесли шерть, одним из

условий которой являлась уплата дани «без переводу» (т. е. непрерывно, «погодно»).

Около 1592 г. остяки кодского князя Игичея Алачева совершили поход на Пегую Орду. Примерно тогда часть «кодичей», которая накануне платила ясак в Тобольск (т. е. не ранее чем с 1587 г.), взамен стала нести «всякие» военные службы, главным образом «струговые и лыжные». Игичей и его двоюродный брат Онжа Юрьев 18 февраля 1594 г. были пожалованы Федором Ивановичем за участие в походах против «государевых непослушников» Васпукольской и Колпукольской волостями; «большой» кодский князь удостоился также Емдырской и (в поместье) Ленской, что на Выми, волостями (Вершинин, Шашков 2004: 11, 13–16, 27). (Взгляд, будто Игичей и Онжа являлись васпукольскими князьями (Акишин 2015, с. 53), – очевидное недоразумение). Вероятно, «Кодцково уезду» «иноземцы», тем более служилые, принесли шерть «белому царю».

В последующих наказах русским воеводам и письменным головам, посылавшихся в сибирские города и остроги, начиная с составленного, очевидно, в течение первых месяцев 1594 г. и адресованного князю А. В. Елецкому, вскоре «поставившему» Тару, часто встречается предписание о приведении населения, которое таким образом становилось подвластным московским государям, к шерти (Миллер 1999: 347, 358, 361–363, 373, и др.). Примечательно, что об этом не сказано в наказах воеводе князю П. И. Горчакову и письменному голове В. В. Аничкову, заложивших Пелым и Сургут соответственно, т. к. жители бассейна Тавды и Бардакова княжества уже были приведены «под высокую государеву руку», в Среднее Прииртышье же русские совершили поход впервые. (Вопреки мнению З. А. Тычинских, в наказе отправленному в Персию русскому послу князю А. Ф. Жировому-Засекину не сказано о приведении к шерти мурз, плененных во время окончательного разгрома Кучума летом 1598 г. (Тычинских 2010: 47, и др.)).

Как установил Б. П. Полевой, в самом конце XVI в. (скорее всего в 1600 г.) тобольский сын боярский В. Ф. Тырков ездил «в Томь через Тару ко князем и мурзам с государским жалованием с милостивым словом ... и з грамотами за ... государскою красною печатью» (Полевой 1981: 58, 61). Не исключено, что эти грамоты (в оценке Б. П. Полевого, особые) представляли собой шертные записи либо включали их текст. (Любопытно, что накануне ясак на Томи собрал

сургутский атаман Т. Федоров (Очерки истории Югры 2000: 199–200)).

В. Д. Пузанов выделял три достаточных «для русских властей» элемента, свидетельствующих о присоединении того или другого народа Сибири к России «в реалиях» XVI–XVIII вв.: «это принятие присяги на подданство Белому царю, выплата ясака и выдача аманатов, гарантировавшая своевременный платеж дани» (Пузанов 2004: 278). Относительно времени похода Ермака, да и последующих зауральских экспедиций первых государевых воевод, думается, из перечисленных элементов налицо был только один: объясачивание «иноязычных людей».

Представление о том, что «сибирцев» начали приводить к шерти уже «ермаковы казаки», сложившееся главным образом под влиянием рассказа Саввы Есипова про поездку сеунчиков «дружины» в Москву, таким образом, не может считаться сколько-нибудь основательным.

«Храбрый с млада» атаман и его соратники приступили лишь к объясачиванию покоренных татар, остяков и вогулов, вскоре продолженному в Нижнем Приобье годовальщиками из Мансуровского городка. Шертование же недавних подданных Кучума, борьба которого с русскими шла до самого конца XVI в., предположительно началось со времени наделения жалованными грамотами Лугуя и Цынгопа (Сенгепа), «поставления» Тюмени и Тобольска (1586–1587 гг.), подчинения царю Федору Пелымского княжества и обретения частью остяков Коды статуса служилых (конец 1580-х – начало 1590-х гг.). С 1594 г., когда в «Сибирской земле» вслед за Пелымом, Березовым и Сургутом была «срублена» Тара, приведение местных «иноземцев» «под высокую руку» московского венценосца, особенно в ходе «проведывания» новых «землиц», сделалось едва ли не главной целью служилых людей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЕЛ** – Есиповская летопись.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
РИ – Российская история.
СЛ – Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская).

ЛИТЕРАТУРА

- Акишин М. 2015. Дьяки Посольского приказа и присоединение Сибири // РИ 3, 45–54.
 Бахрушин С. В. 1955. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. Москва: Академия наук СССР.
 Вершинин Е. В., Шашков А. Т. 2004. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут: Диорит, 10–32.
 Зуев А. 2015. Летописные известия о шертовании народов Сибири во время похода Ермака и исторические реалии // РИ 3, 30–44.
 Карамзин Н. М. 1989. История Государства Российского. Кн. 3. Т. 9. Москва: Книга.
 Конев А. Ю. 2005. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI–XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии 6, 172–177.
 Копылов Д. И. 1989. Ермак. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во.
 Миллер Г. Ф. 1999. История Сибири. 2-е изд., доп. Москва: Восточная литература.
 Миллер Г. Ф. 2000. История Сибири. 2-е изд., доп. Москва: Восточная литература.
 Миллер Г. Ф. 1998. Описание Сибирского Царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Кн. 1. Москва: Либерия.
 Очерки истории Югры / Баранов Н. Н., Вершинин Е. В., Горшков С. В., Миненко Н. А., Морозов В. М., Прищепа А. И., Редин Д. А., Шашков А. Т./Екатеринбург: НПМП Волот, 2000.
 Полевой Б. П. 1981. Новое о Василии Тыркове, основателе Томска // Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск: Наука, 57–63.
 ПСРЛ. 1987. Т. XXXVI. Москва: Наука.
 Пузанов В. Д. 2004. Проблема вхождения Сибири в состав России в исторической науке // Северная цивилизация: становление, проблемы, перспективы: Материалы I Конгресса: Сургут: 10–11 июня 2004 года. Сургут: СурГУ, 276–278.
 Русская историческая библиотека: 1875. Т. 2. Санкт-Петербург: типогр. бр. Пантелеевых.
 Самаровский край: История Ханты-Мансийского района. 2003 / Н. И. Загороднюк, Ю. Н. Квашнин, А. Ю. Конев, И. А. Ломакин, В. Г. Усманов (ред.). Тюмень: Мандр. и К⁰, 2003.
 Сергеев В. И. 1960. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры 3 (21), 113–124.
 Сергеев В. И. 1967. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М. Н. Тихомирова. Москва: Наука, 174–179.
 СЛ 2008 / Цепков А. И. (пред.). Рязань: Александрия.
 Скрынников Р. Г. 1986. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Наука.
 Солодкин Я. Г. 2015. «Ермаково взятие» Сибири: Дискуссионные проблемы истории и источниковедения. Нижневартовск: НВГУ.

Трепавлов В. В. 2012. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш / В. В. Трепавлов. Москва: Восточная литература.

Тычинских З. А. 2010. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань: «ФЭН».

Шаишев А. Т. 1997. К истории возникновения в конце XVI в. первых русских городов и острогов на восточных склонах Урала // Уральский сборник: История: Религия: Культура. Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 174–179.

Шаишев А. Т. 1998. К истории основания Березова и Пельма // Культурное наследие российской провинции: история и современность: К 400-летию г. Верхотурья: Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции 26–28 мая 1998 г.: Екатеринбург – Верхотурье. Екатеринбург: изд-во Института истории и археологии УрО РАН, 250–253.

Шаишев А. Т. 2001. Югорские князья в XV–XVIII вв. // Северный регион: Наука: Образование: Культура 1 (3), 173–180.

Щеголов И. В. 1993. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут: Северный дом.

Ярков А. П. 2011. Кучум и Ермак: смена темпоритма в Сибири // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Вып. 10. Нижневартовск; Омск: Омскбланкиздат, 21–54.

REFERENCES

- Akishin M. In: Rossiyskaya istoria [Russian history]. Vol. 3 (2015): 45–54. (In Russian).
- Bakhrushin S.V. Nauchniye trudy [Research works]. Vol. 3. Part 2. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1955. (In Russian).
- Vershinin E. V., Shashkov A. T. In: Zapadnaya Sibir: proshloye, nastoyascheye, buduscheye [Western Siberia: past, present and future]. Surgut: Diorit, 2004. Pp. 10–32 (In Russian).
- Zuev A. In: Rossiyskaya istoria [Russian history]. Vol. 3 (2015): 30–44. (In Russian).
- Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva rossiyskogo [The history of the Russian state]. Book 3. Vol. 9. Moscow: Kniga, 1989. (In Russian).
- Konev A. Y. In: Vestnik archeologii, antropologii i etnografii [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography], Vol. 6 (2005): 172–177. (In Russian).
- Kopylov D. I. Ermak. Irkutsk: East Siberian book publishing house, 1989. (In Russian).
- Miller G. F. Istoriya Sibiri [The history of Siberia]. 2 nd ed., extended. Moscow: Vostochnaya literatura, 1999. (In Russian).
- Miller G. F. Istoriya Sibiri [The history of Siberia]. 2 nd ed., extended. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000. (In Russian).
- Miller G. F. Opisanie Sibirskogo Tsarstva i vsekh proisшествий v nyom ot nachala, a osoblyvo ot pokoreniya ego Rossiyskoy derzhave po sii vremena [Description of the Siberian kingdom and all events that occurred there from the beginning, and especially from the conquest by the Russian state, till our time]. Book. 1. Moscow: Libereya, 1998. (In Russian).
- Baranov N. N., Vershinin E. V., Gorshkov S. V., Minenko N. A., Morozov V. M. et al. Ocherki istorii Yugry [Essays on the History of Yugra]. Yekaterinburg: NPMF Volot, 2000. (In Russian).
- Polevoy B. P. Sibirskie goroda XVII – nachala XX veka [Siberian towns in the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka, 1981. pp. 57–63. (In Russian).
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. XXXVI. Moscow: Nauka, 1987. (In Russian).
- Puzanov V. D. Severnaya tsivilizatsiya: stanovleniye, problem, perspektivy: Materialy I Kongressa: Surgut 10-11 iyunya 2004 goda [Northern civilization: formation, problems and prospects: Proceedings of the I Congress: Surgut: June 10–11, 2004]. Surgut: Surgut State University, 2004. pp. 276–278. (In Russian).
- Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian historical library]. Vol. 2. St. Petersburg: Tipografiya Bratiev Panteleyevykh, 1875. (In Russian).
- Samarovskiy krai: Istoriya Khanty-Mansiyskogog rayona [Samara region: History of Khanty-Mansiysk Area. Ed. by N. I. Zagorodnuk, Yu. N. Kvashnin, A.Y. Konev, I.A. Lomakin, V.G. Usmanov. Tyumen: Mandr I Co, 2003. (In Russian).
- Sergeev V. I. In: Vestnik istorii mirovoy kultury [Bulletin of the history of world culture]. Vol. 3 (21) (1960): 113–124. (In Russian).
- Sergeev V. I. In: Novoye o proshlom nashey strany: Pamyati akademika M.N. Tikhomirova [New works about the past of our country: In the memory of Academician M.N. Tikhomirov]. Moscow: Nauka, 1967. pp. 174–179. (In Russian).
- Sibirskie letopisi [Siberian chronicle]. Compiled by A.I. Tsepkov. Ryazan: Alexandria, 2008. (In Russian).
- Skrynnikov R. G. Sibirskaya ekspeditsiya Ermaka [Ermak Siberian expedition]. 2nd ed., revised and extended. Novosibirsk: Nauka, 1986. (In Russian).
- Solodkin Ya. G. «Yermakovo vzyatiye» Sibiri: Diskussionniye problem istorii i istochnikovedeniya [Ermak conquest of Siberia: Discussion problems of history and source studies]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University, 2015. (In Russian).
- Trepavlov V. V. Sibirskiy yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichy v borbe za revansh [Siberian land after Ermak: Kuchum and Kuchum clan in the struggle for revanche]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2012. (In Russian).
- Tychinskii Z. A. Sluzhiliye tatar i ikh rol v formirovaniy etnicheskoy obschnosti sibirskikh tatar (XVII–XIX vv. [Tatars in military service and their role in shaping the ethnic group of Siberian Tatars (17th–19th centuries.). Kazan: Fen, 2010. (In Russian).
- Shashkov A. T. In: Uralskiy sbornik: Istoriya: Religiya: Kultura [ural collection: History: Religion Culture]. Yekaterinburg: Ural University, 1997. Pp. 174–179. (In Russian).
- Shashkov A. T. In: Kulturnoye nasledie rossiyskoy provintsii: istoriya i sovremennost: K 400-letiyu g. Verkhoturii: Tezisy dokladov i soobshcheniy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 26–28 maya 1998 g. Yekaterinburg-Verkhotur'ye [The cultural heritage of the Russian province: Past and Present: The 400th Anniversary of Verkhotur'ye: Abstracts and reports of

All-Russian scientific-practical conference on May 26–28, 1998. Yekaterinburg-Verkhoturys. Yekaterinburg: Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1998. pp. 250–253. (In Russian).

Shashkoff A. T. In: Severniy region: Nauka: Obrazovaniye: Kultura [Northern region: Science: Education: Culture]. Vol. 1 (3) (2001): 173–180. (In Russian).

Scheglov I. V. Khronologicheskiy perechen vazhneyshikh dannyykh iz istorii Sibiri: 1032–1882 gg. [A chronological list of the most important data in the history of Siberia: 1032–1882]. Surgut: Seerniy dom, 1993. (In Russian).

Yarkov A. P. In: Sapadnaya Sibir: istoriya i sovremennost: Kraevedcheskiye zapiski [Western Siberia: history and modernity: Local history notes]. Vol. 10. Nizhnevartovsk, Omsk: Omskblankizdat, 2011. pp. 21–54. (In Russian).

Ya. G. Solodkin
Nizhnevartovsk, Russia

SIBERIAN OUTLANDERS SWEARING A SHERT' OATH TO THEIR MUSCOVITE SOVEREIGN (BEGINNING AND CHRONOLOGY OF THE PRACTICE)

Abstract. This paper discusses one of the topical issues in Siberian studies, namely, the beginning of the tradition to administer a shert', an oath of allegiance to Muscovite sovereign, to the peoples of Siberia. Although the historians do not doubt the fact that this practice dates back to the first years of Russian colonization of Siberia, the idea that the oath was administered by Ermak Cossacks, originated by G.F. Miller, cannot be considered conclusive. The author pays special attention to the analysis of Yesipovsky chronicle message of the beginning of such practice at the time of «Siberian seizure».

The study revealed that the evidence mentioned in the chronicle message includes literary clichés available in the Esipov's work. The message contains the text entry of the shert' oath record composed not in the second quarter of the 17th century, as it was previously considered, but rather before the death of Kuchum, i.e. in early 17th century. We have proved that Ermak Cossacks limited their control practices to collecting a tribute, while the practice of shert's oath administered to Siberian outlanders started from the subsequent expeditions of Tsar Fyodor Ivanovich's governors, I. A. Mansurov and V. B. Sukin in particular. We have found that the first oath-givers were Prince Luguy and Prince Igichey, Tsyngop Murza, and a prominent Tyumen Tatar service man M. Achekmatov.

Key words: Siberia in late 16th century; shert' oath; shert's oath record; tribute; Esipov chronicle; Kuchum; Ermak; Luguy; Igichey.

About the author: Yankel Gutmanovich Solodkin, Doctor of Historical Sciences (DSc), Professor, Head of the Laboratory for Regional Historical Research.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

УДК 930.253

А. В. Спичак
Нижневартовск, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМУЛЯРА БРАЧНОГО ОБЫСКА В ПРИХОДСКИХ ЦЕРКВЯХ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об эволюции формуляра брачных обысков приходских церквей Tobolskoy eparchii в XVIII – начале XX веков. Целью работы является выяснение степени соответствия составления брачных обысков в приходских церквях Tobolskoy episkopii требованиям законодательства. Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение эволюции оформления брачных обысков в Tobolskoy eparchii на протяжении синодального периода, выявление и анализ факторов, определяющих изменение в их содержании и оформлении, содействуют пониманию закономерностей развития церковного делопроизводства. Новизна исследования состоит в том, что вопросы эволюции оформления брачных обысков Tobolskoy eparchii XVIII – начала XX веков ранее специально не рассматривались. Приводится определение понятия «брачный обыск» как вида документа. Автором представлены результаты сопоставительного анализа развития форм брачных обысков с требованиями законодательства. Особое внимание уделяется степени реализации законодательных норм, регламентирующих правила оформления брачных обысков в Tobolskoy episkopii в XVIII – начале XX веков. Показано, что практика делопроизводства в приходских церквях подвергалась регламентирующему воздействию, постоянно совершенствовалась, дополнялась новыми элементами. Брачные обыски за XVIII в. в государственных архивах не обнаружены. В приходских церквях Tobolskoy eparchii обыски начали составлять в 1802 г. с утверждения требования к духовным консисториям выдавать причтам специальные книги для записи обысков. Законодательное закрепление правил и совершенствование «церковного письмоводства» способствовали наилучшей сохранности церковных документов. В результате анализа брачных обысков за 1802–1910 гг. выяснилось, что эти документы в большинстве своем записывались от руки в шнуровые (обыскные) книги, которые скреплялись сургучной печатью Tobolskoy духовной консистории и имели почти одинаковую форму изложения. Только в